

ВОЙТЕНКО О.Н.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
общеправовых дисциплин Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
olganicol.voit@yandex.ru

УДК 340.15

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

**Право, частное право,
правовая система,
право собственности,
дореволюционное
законодательство,
советское право,
правопреемственность.**

*В статье рассматривается
специфика формирования
русской правовой системы
в условиях становления
советской государственности
в период 1917-1922 гг.*

*Историко-правовой
анализ проведен автором с
позиции концептуального
подхода к создаваемой в то
время правовой системе.
Представлены особенности
содержания принимавшихся
в указанный период
законодательных актов и
проблемы преемственности
в советском праве. Делается
вывод о том, что в период
становления советской
государственности
дореволюционное
законодательная система
была востребована и являлась
одним из источников права.*

Государственные институты находятся в процессе постоянного развития, изменяется и совершенствуется при этом обслуживающая их правовая система. Добиться успешных результатов институциональных преобразований возможно, лишь опираясь на исторический опыт, накопленные теоретические и практические знания о достоинствах и недостатках правотворчества на различных этапах общественного развития. Советское право имеет беспрецедентный опыт в истории законодательного строительства. Более чем семидесятилетний период его существования разделяет и одновременно связывает две глобальные исторические эпохи дореволюционного и постсоветского права. Будучи продуктом революционной эпохи, коренной перестройки всех базовых и надстроечных государственных систем, советское право стало уникальным явлением в истории России, феномен которого требует всестороннего научного осмысления.

Анализ научных источников, отражающих проблемы создания советской правовой системы и представляющих оценки данного явления как социального института, показывает, что среди ученых однозначного мнения по этому поводу нет. Poleмика преимущественно касается правильности выбора концептуальных основ постреволюционной правовой системы, ее стратегического целеполагания, проблем преемственности норм буржуазного права.

Большевики, придя к власти, стремились к кардинальным переменам во всех сферах общественной жизни страны, включая сферу законодательства. Так, П.И. Стучка, занимавший пост народного комиссара юстиции РСФСР в 1917-1918 гг., писал: «Проделав революцию во всех областях жизни, мы не должны отказаться от внесения революции и в право» [1, с. 11]. Он был убежден, что советское право должно сыграть первостепенную, революционную роль в борьбе за построение социализма¹.

Негативные оценки содержатся в работах сторонников правовых традиций, основанных на принципах эволюционного развития права. Так, по мнению С.С. Алексеева, «общинный коллективизм и феномен советского права» являются факторами, «которые отодвигают право как таковое на периферию общественного развития, порождают правовой нигилизм, приоритет критериев нравственности, совести, идеологию права власти» [2, с. 291]. При этом интересно отметить, что благоприятными историческими предпосылками, предопределяющими возможность прогрессивного развития права как явления цивилизации и культуры, права гражданского общества, С.С. Алексеев считал начальные «доимперские» стадии развития российского общества [2, с. 291]. Высказывались также суждения, согласно которым право вообще вредно для общества. Советский цивилист А.Г. Гойхбарг писал: «Всякий сознательный пролетарий знает ... что религия - опиум для народа. Но редко

¹ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 25. Струнино-Тихорецк / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Больш. Советск. Энциклопедия, 1969. С. 31.

кто ... осознает, что право есть ещё более отравляющий и дурманный опиум для того же народа» [3, с. 7].

Противоречия в подходах к формируемой модели права и ее оценках вполне объяснимы. В первой четверти XX в. - впервые в мировой истории - закономерный процесс развития государственной правовой системы прервался, уступив место созданию совершенно новой правовой модели, концептуально отличавшейся от дореволюционных доктрин. Основной идеологической и мотивирующей предпосылкой ее создания было социалистическое правосознание, которое зарождалось одновременно с победой Октябрьской революции и в дальнейшем играло определяющую роль в правотворческом процессе. Рассматривая правосознание как основной фактор правообразования, А.В. Дозорцев подчеркивал его важнейшее значение в развитии и совершенствовании законодательства в перспективе [4, с. 31].

Между тем социалистическое правосознание являлось продолжением правосознания революционного, формируемого на принципах диктатуры пролетариата и полного отторжения буржуазного государственно-правового наследия. Данные политические воззрения, как мы полагаем, и составляли основу большевистской концепции государственного законодательного строительства, отличительной чертой которой являлось преобладание в ее структуре идеологических позиций, соответствующих замыслам революционного движения. Таким образом, процесс формирования советской правовой системы был идеологически мотивированным, что и определило одну из ее характерных особенностей.

Специфика становления советской правовой системы заключалась также в стремлении правительства большевиков полностью отказаться от использования в правотворчестве норм дореволюционного законодательства. По мнению П.И. Стучки, «буржуазное государство вместе с государственным правом полностью уничтожается пролетарской революцией и сдается в «архив истории»»¹. Определяя буржуазное право как индивидуалистическое и ущербное, А.Г. Гойхбарг отмечал, что в период пролетарской революции «это право находится в агонии и заменяется социальным правом переходного периода»¹. По вопросу правопреемственности любопытной представляется точка зрения М.А. Рейснера, который высказывал сомнение в возможности рецепции норм дореволюционного права и не представлял его в новой идеологической доктрине, допуская, что правовая надстройка в условиях социальных перемен «погибнет без остатка, не оставив жизнеспособных наследников» [5].

Тенденция к полному неприятию правопреемственности проявлялась уже в первых постреволюционных правовых документах - Декретах. Наряду с нормами, легитимизировавшими политический

порядок и деятельность власти, издавались акты, упразднявшие существовавшие ранее правовые институты.

Декретом от 26 октября 1917 г. «Об учреждении Совета Народных Комиссаров» было сформировано Рабочее и Крестьянское Правительство. В соответствии с Декретом о суде от 22 ноября 1917 г. прекращали работу судебные учреждения, институты судебных следователей, прокуратуры, присяжной и частной адвокатуры, утрачивали законную силу нормы, противоречившие Декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и рабоче-крестьянского правительства. Переставали действовать положения, не соответствовавшие политическим и ценностным концепциям программ-минимумов Российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров². Неслучайно, как отметил А.А. Зозуля, соответствие указанным программам являлось одним из критериев правомочности принимаемых судами решений [6, с. 112].

Исторически ценным с точки зрения изучения мотивации столь радикальных решений в области формирования правовой системы и институциональных изменений представляется содержание введения к проекту Декрета № 1 «О суде», которое приводит в одной из своих работ А.В. Верещагина³. В качестве обоснования принятия данного документа его авторы указали на неизбежность ликвидации в результате революционных событий буржуазного институционально-правового наследия, основанного на эксплуатации труда капитала. «Великая рабочая и крестьянская революция рушит основы старого буржуазного порядка ... и вызывает необходимость коренной ломки старых юридических учреждений и институтов, старых сводов законов, приспособленных к отжившим общественным отношениям, и создание новых подлинно демократических учреждений и законов», - говорилось в преамбуле к проекту. Рабочему и крестьянскому правительству ставилась задача безотлагательно приступить к созданию новых судов и разработать новые законы, которые отражали бы правосознание народа. Особо подчеркивалось, что «уничтожение отжившего судебного бюрократического и цензового буржуазного аппарата и отмена действия сохранивших донныне силу особенно ненавистных революционному правосознанию законов» настоятельно требуется «уже в настоящий момент жизни»⁴.

В то же время, несмотря на отказ от правопреемственности, нормами п. 5 Декрета № 1 местным судам разрешалось руководствоваться в своих решениях и приговорах законами царского правительства, правда, с оговоркой - «лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционному совести и революционному правосознанию»⁵. Правоприменение отдельных положений Судебных уставов 1864 г. при

¹ Цит. по: Рыбаков В.А. Советское право: преемственный аспект // Современное право. 2010. № 9. С. 13-17.

² Декрет о суде от 22 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 125.

³ Верещагина А.В. Декрет № 1 о суде: история подготовки и его содержание // Судебная власть и уголовные процесс. 2017. № 3. С. 64-65.

⁴ Проект Декрета № 1 «О суде» // Материалы народного комиссариата юстиции. М., 1918. С. 102-104.

⁵ Декрет о суде от 22 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 125.

осуществлении гражданского и уголовного судопроизводства допускалось нормами п. 8 Декрета о суде от 15 февраля 1918 г. Речь шла о тех положениях, которые не были отменены декретами ЦИК Совнаркома РСФСР и, соответственно, не противоречили духу постреволюционных преобразований и правосознанию трудящихся классов¹.

Принятая в июле 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов Конституция РСФСР юридически закрепила установление Всероссийской Советской власти, основанной на принципе «диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства»², и переход основных средств производства в руки государства. Это означало, как справедливо заметил Р.А. Ромашов, «легитимацию революционного переустройства национальной государственно-правовой системы»³.

К началу двадцатых годов XX в. тенденция тотального отказа от царского законодательства в пользу государственно-правового устройства, опирающегося на уникальные ценностные ориентиры рабоче-крестьянского государства, становилась главным фактором, определявшим вектор правообразования. О том, что никакой рецепции или трансформации дореволюционная правовая система не подлежала, писал В.А. Туманов: «...уже на первом этапе социальных преобразований оказалось невозможным даже формальное и прикладное использование старых правовых институтов» [7]. Схожее мнение высказывал Ю.Е. Аврутин. Он отметил, что одновременно с введением «революционного правопорядка» и «революционной законности» преемственность правовых традиций между русским и советским правом была прервана [8, с. 182-183].

Убедительным свидетельством такого разрыва является Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г., которым утверждалось «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Им запрещалось правоприменение ранее действовавших законодательных актов. Нормы ст. 22 Положения обязывали органы правосудия применять декреты Рабоче-Крестьянского Правительства, а в случае пробелов или законодательных коллизий руководствоваться социалистическим правосознанием. В примечании к данной статье содержался запрет использовать в любых судебных решениях законы свергнутых правительств или ссылаться на них.

Таким образом, еще одной отличительной особенностью правотворчества периода 1917-1920 гг. являлось превалирование марксистско-ленинской правовой идеологии и, соответственно, изменение квинтэссенции права. «Большевистские идеология и практика, - как отмечал С.С. Алексеев, - признавали оправданным, в сущности, одно лишь «революционное» право и «революционное» правосознание» [2, с. 298].

Между тем объявленный широкомасштабный отказ от правопреемственности в молодой Совет-

ской республике постепенно ослабевал, что представляется вполне закономерным. Исторически доказано, что смена политического режима, независимо от того, под влиянием каких факторов она происходит, не может привести к полной отмене ранее действовавшего права как жизненно необходимого регулятора общественных отношений. При этом матрица права традиционно сохраняет понятийную основу, а также ключевые принципы конструирования юридической ответственности. Отсюда - несостоятельность идеи полного отказа от правового наследия. Заявление о том, что «социалистическое право полностью отторгло старые нормы» [9, с. 271], не подтвердилось. Советский законодатель вынужден был периодически обращаться к классическим юридическим конструкциям, что убедительно доказывают результаты проведенного нами анализа норм уголовного и гражданского законодательства двадцатых годов XX в. и их сопоставления с нормами Уголовного уложения 1903 г. и Законов гражданских 1835 г. Данные акты чаще всего служили источниками заимствования при формировании вышеназванных отраслей советского права.

Интересной в связи с этим представляется работа Ю.В. Грачевой, С.В. Маликова и А.И. Чучаева «Советское уголовное уложение». В ней сообщается, что в начале 1918 г. Наркомюстом было разработано Советское уголовное уложение, в основе которого содержались нормы Уголовного уложения 1903 г. Авторам доподлинно не известно, был ли принят этот документ или так и остался проектом, но на практике, по их сведениям, он не применялся. В то же время они отметили, что на титульном листе проекта написано: «Свод законов русской революции. Часть пятая. Уголовное уложение. Издание 1918 года». Причину отсутствия данного уложения в правоприменительной практике авторы рассматриваемой работы видят в крайне критическом восприятии его большевиками [10]. При этом стоит отметить, что правовой акт разрабатывался левыми эсерами, которые в то время входили в состав руководства Наркомюста и имели диаметрально противоположные взгляды большевиков представления о правопреемственности. По мнению большевиков, законы, подобные предложенному левыми эсерами, противоречили сути советской правовой идеологии, партийным установкам о создании качественно новой системы уголовного права и не согласовались с концепцией социалистического государства. Особое неприятие у большевиков, как отмечал А.А. Герцензон, вызывала составленная эсерами Инструкция местным и окружным народным судам, в предисловии которой содержалось указание на то, что суды не обязаны выяснять, действует применяемый ими по рассматриваемому делу правовой акт или отменен революцией. В такой ситуации «ни о какой «рецепции» буржуазного права, ни о какой пре-

¹ Декрет о суде № 2 от 15 февраля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1957. С. 469.

² Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. Гл. 5, ст. 9 // URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918>.

³ См.: Памятники российского права: учебно-научное пособие: в 35 т. Т. 24: Конституции СССР и РСФСР / Под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 87.

емственности права, правовой идеологии не могло быть и речи» [11].

Тем не менее к началу двадцатых годов XX в. набирала силу тенденция заимствования норм из «старого» законодательного поля для их интеграции в формируемую правовую систему. Анализируя историю развития уголовного права, Г.А. Злобин отмечал, что не видит ничего неожиданного и «засорного» в заимствовании технико-юридических достижений прежнего законодательства. «Было бы наивным и опасным «левачеством» полагать, - писал он, - что определения «общеуголовных» понятий, вырабатывавшихся правосознанием в течение веков, таких как кража, грабеж, разбой либо умысел и неосторожность, в советском законодательстве должны были быть непременно другими, чем раньше, «ни на что не похожими»» [12, с. 31-32]. По мнению Н.С. Алексеева, заимствование из Уголовного уложения 1903 г. форм и конструкций некоторых правовых норм не могло быть категорически исключено. Им было отмечено, что содержание Уложения «в смысле технико-юридической разработки представляло собою в то время известное достижение законодательной техники» [13, с. 79].

Результаты сравнительного анализа содержания Уголовного уложения 1903 г. и Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. позволяют констатировать сходство многих юридических конструкций. Например, в абз. 1 ст. 48 Уголовного уложения (в отделении «О видах виновности») прописаны признаки, характеризующие умышленное деяние: «... когда виновный желал его учинения, но также, когда он сознательно допускал наступление последствия, обуславливающего преступность сего деяния». Похожие признаки умысла с аналогичной терминологией содержатся в конструкции ст. 11 УК РСФСР 1922 г. Пункт «а» указанной статьи гласит, что наказанию подлежат лица, которые «предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление».

В нормах анализируемых правовых актов весьма схожи трактовки такой категории, как «неосторожность». В Уголовном уложении неосторожным признавалось деяние, в результате которого наступало негативное последствие, когда виновный, «хотя и предвидел наступление последствия ... но легкомысленно предполагал также последствие предотвратить» (п. 2 ст. 48). Аналогичная конструкция содержалась в ст. 11 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., где в п. «б» говорилось, что наказанию подлежат те, кто действовал неосторожно: «... легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть».

Правопреемственность квалифицирующих и привилегированных признаков умышленного убийства в Уголовном уложении и УК РСФСР 1922 г. усматривает С.П. Донец. С его точки зрения, опыт дореволюционного права, как бы отрицательно ни относились к нему большевики, оказал значительное влияние на развитие уголовного законодательства молодой Советской республики [14].

Отдельного внимания заслуживает формирование в период развития российской постреволюционной государственности гражданского права, что обусловлено коренными изменениями имущественных отношений в стране, связанными с ликвидацией частной собственности в рамках перехода от капитализма к социалистическому хозяйственному укладу.

Действовавшая в дореволюционной России гражданско-правовая система, обслуживавшая частно-правовую сферу общественных отношений и ориентированная на регулирование существовавших в то время отношений собственности, оказалась невостребованной. Контуры модели института гражданского права первое время оставались неопределенными, особенно в период проведения политики военного коммунизма (1918-1921 гг.), когда распределительная система (в частности, распределение натуральных продуктов) превалировала над товарно-денежными отношениями. Как заметила Т.Е. Новицкая, большевики не спешили принимать кодексы, а тем более кодекс, регулирующий имущественные правоотношения [15, с. 169]. В июне 1920 г. А.Г. Гойхбарг - представитель Наркомата юстиции РСФСР - указал на нецелесообразность разработки Гражданского кодекса, поскольку, по его мнению, отсутствовали отношения, которые должны регулироваться данным правовым актом: «Число гражданских дел сводится к нулю, договорное право уничтожено» [15, с. 169].

Вместе с тем обходиться без системного гражданско-правового регулирования имущественных отношений в стране было все сложнее. Вследствие социально-экономического кризиса, разразившегося к началу 1921 г., правительство было вынуждено перейти от политики военного коммунизма к новой экономической политике (НЭП). Сущность последней заключалась в использовании элементов рыночной экономики при сохранении руководящей роли РКП(б), государственного сектора, централизованной финансовой системы и монополии на внешнюю торговлю. При этом частный капитал был допущен в промышленный сектор, разрешена деятельность мелкотоварного частного хозяйства с правом аренды земли и найма рабочей силы, относительная свобода предоставлялась торговле и другим коммерческим инициативам¹.

Переход к НЭПу начался с принятием правящей партией большевиков декрета о замене продразвёрстки продналогом². Становилась очевидной необходимость разработки новой системы гражданско-правового регулирования имущественных отношений, в которой могли бы сочетаться социалистическая форма хозяйствования и элементы коммерческих отношений. Нельзя не согласиться с точкой зрения В.М. Сырых о том, что гражданское право в рассматриваемый период должно было решать две трудные задачи: его нормам нужно было способствовать развитию товарно-денежных отношений, частной инициативы и предпринимательства и в то же время «ставить надежные заслоны любым попыткам частных лиц получать матери-

¹ История России IX-XX вв.: Учебник / Под ред. Г.А. Аммоны, Н.П. Ионичева. М.: ИНФА-М, 2006. С. 551-552.

² Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 года «О замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом» // Декреты Советской власти. Т. XIII. 1 февраля - 31 марта 1921 г. М.: Политиздат, 1989.

альную выгоду за счет ухудшения экономического положения государственных предприятий и организаций» [16, с. 50].

В целях упорядочения и регламентации взаимоотношений между государственными органами, объединениями, частными лицами, участвовавшими в экономической деятельности страны, предоставления им правовых гарантий, необходимых для осуществления имущественных прав, в мае 1922 г. ВЦИК принял Декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых в РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР». Согласно его положениям всем правоспособным гражданам предоставлялись вещные и обязательственные права, а также гарантировалась судебная защита. Указанный правовой акт положил начало работе над проектом Гражданского кодекса РСФСР. В VI разделе документа содержалось поручение Президиуму ВЦИК и Совету Народных Комиссаров подготовить проект кодекса гражданских законов РСФСР и внести его на следующую очередную сессию.

Работу над проектом первого Гражданского кодекса РСФСР осуществлял А.Г. Гойхбарг, который ранее был противником его принятия. Представляя уже готовый правовой акт на сессии ВЦИК, он особо подчеркнул, что и НЭП, и разрешение коммерческой деятельности являются вынужденными мерами, направленными на развитие производительных сил исключительно в интересах государства: «Мы исходим из того, что новая экономическая политика, что уступки, сделанные частной инициативе, сделаны только во имя развития производительных сил нашей республики, и поэтому наше государство, считаясь со своими интересами, предоставляет в пределах этих интересов правоспособность, право на обладание известным имуществом лицам, выполняющим предначертания государства». Представляется верным мнение Т.Е. Новицкой, которая обратила внимание на политизированность подхода законодателя к разработке данного проекта [15, с. 186].

В первом Гражданском кодексе РСФСР¹ закреплялось три формы собственности: государственная (национализированная и муниципализированная), кооперативная и частная (ст. 52). Ведущей, безусловно, являлась государственная собственность. Исключительной собственностью государства являлись основные сектора экономики, земля, недра, леса, воды и другие важные объекты недвижимости (ст. 53). Перечень предметов частной собственности и частный капитал были ограничены и находились под контролем государства.

Несмотря на то, что законодатель старательно стремился уйти от заимствований, значительная часть норм буржуазного частного права была трансформирована в нормы ГК РСФСР, вступившего в законную силу 11 ноября 1922 г. Основным их источником стал законопроект Гражданского уложения Российской империи 1914 г., который был подготовлен, но не принят по причине начала Первой мировой войны, а затем революции. Согласно результатам исследований А.Л. Маковского положения примерно для 400 статей Гражданского кодекса 1922 г. в момент его издания были заимствованы из проекта Гражданского уложения. По мнению А.Л. Маковского, «преемственность гражданского права прежней эпохи, прежнего строя была сохранена» [17, с. 119]. Полагаем, что классические юридические конструкции, заложенные в основах российского частного законодательства, успешно встраивались в формируемую модель института советского гражданского права, поскольку его конститутивное функциональное назначение в сфере регулирования имущественных и личных неимущественных правоотношений оставалось неизменным.

В качестве примера можно рассмотреть правовые конструкции положений, предусматривавших возврат собственнику имущества, незаконно находящегося во владении третьих лиц. Нормы, запрещавшие незаконное владение чужой собственностью и закреплявшие право собственника отыскивать свое имущество из чужого незаконного владения, содержались в ст. 691 Законов гражданских². В ст. 59 ГК РСФСР 1922 г. со-

VOITENKO O.N.,
PhD in Juridical Sciences,
Docent of the Department
of General Legal Disciplines
of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg
University of the Ministry
of the Interior of Russia

FEATURES OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM DURING THE FORMATION OF SOVIET STATEHOOD

**Law, private law, legal
system, property law, pre-
revolutionary legislation,
Soviet law, succession.**

The article discusses the specifics of the formation of the Russian legal system in the conditions of the formation of Soviet statehood in the period 1917-1922. The historical and legal analysis was carried out by the author from the standpoint of a conceptual approach to the legal system being created at that time. The features of the content of legislative acts adopted in the specified period and the problems of continuity in Soviet law are presented. It is concluded that during the formation of Soviet statehood, the pre-revolutionary legislative system was in demand and was one of the sources of law.

¹ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.»).

² Законы гражданские (Свод законов, т. X, ч. I, изд. 1914 г.) со включением узаконений, последовавших в порядке 87 ст. осн. зак. и разъяснений Правительствующаго Сената с 1866 г. по 1 октября 1915 г. Петроград, 1916.

держались аналогичные положения, предусматривавшие право собственника отыскивать свое имущество и требовать от недобросовестного владельца его возвращения или возмещения всех доходов.

В ст. 574 «О праве вознаграждения за понесенные вред и убытки» Законов гражданских устанавливалось право потерпевшего получить имущественную компенсацию за причинение ему вреда: «...всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред или убытки с одной стороны налагают обязанность доставлять, а с другой - производят право требовать вознаграждения». Данные нормы были трансформированы в содержание ст. 403 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., согласно которым лицо, причинившее вред личности или имуществу другого, обязано его возместить.

Уместно добавить, что законодатель ставил перед собой цель выработать в проекте такие нормы, которые бы допускали гражданско-правовые отношения с элементами частного оборота лишь в определенных пределах [18]. Важным представляется и тот факт, что государственной форме собственности указанный законодательный акт предоставлял режим наибольшего благоприятствования.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что особенности формирования советской правовой системы были предопределены событиями октябрьского

переворота, в корне изменившего устои общественной жизни в России. Революционные преобразования, начавшиеся в 1917 г., конституционное закрепление Всероссийской Советской власти, основанной на принципах диктатуры пролетариата и господства государственной формы собственности, кардинально изменили структуру государственного механизма, определив новый вектор устройства национальной государственно-правовой системы. Основной идеей институциональных изменений стал отказ от буржуазного правового наследия в правотворческом процессе. Вместе с тем перед законодателем периодически возникала дилемма: заниматься изобретением новых или взять на вооружение уже существующие технико-юридические средства и правовые конструкции, развивать и совершенствовать их в пределах парадигмы постреволюционных преобразований. Историко-правовой анализ показал, что в период становления советской государственности дореволюционное законодательная система была востребована и являлась одним из источников права. Созданная на основе марксистско-ленинской идеологии и социалистического правосознания советская правовая система являла собой новое, ценное с точки зрения исторического опыта явление в истории развития российского права. ■

Библиографический список:

1. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Ч. 1. Введение в теорию гражданского права. М.: Изд. Коммунистической академии, 1928.
2. Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995.
3. Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права. М., 1924. 136 с.
4. Советское право: Учебник / Под ред. А.В. Дозорцева. М.: Высшая школа, 1969.
5. Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М.: Госиздат, 1925. 276 с.
6. Зозуля А.А. Доктринальный фактор формирования советского и постсоветского права // Science time. 2014. № 7. С. 111-116.
7. Туманов В.А. Не понял или не захотел понять? // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 64-72.
8. Аврутин Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России. СПб, 2003.
9. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2000.
10. Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Советское уголовное уложение: научный комментарий, текст, сравнительные таблицы / Ю.В. Грачева; под общ. ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2015. 253 с.
11. История советского уголовного права / Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. и др. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 466 с.
12. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М.: Юридическая литература, 1972. 264 с.
13. Советское уголовное право. Часть общая: Учебное пособие / Алексеев Н.С., Беляев Н.А., Грабовская Н.П., Домахин С.А., Карпец И.И. и др. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 587 с.
14. Донец С.П. Формирование и развитие института квалифицированных и привилегированных составов преступлений в истории российского уголовного законодательства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4 (32). С. 27-30.
15. Новицкая Т.Е. Правоспособность физических лиц (граждан) - субъектов имущественных правоотношений в российском законодательстве // Труды института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 6. С. 163-197.
16. Сырых В.М. История государства и права России. Советский и современный периоды: Учебное пособие. М., 2000.
17. Маковский А.Л. Гражданское законодательство в советской плановой экономике и в рыночной экономике России // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 115-128.
18. Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М.: Зерцало-М, 2002.